

<Ф. П. Чуфрин>

К ПОРТРЕТУ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА ЛЕОНТЬЕВА

(Мысли и воспоминания Ф. Ч.)

1891 года, 12 ноября, скончался от воспаления легких в Троице-Сергиевом посаде К. Н. Леонтьев.

Я не имею в виду описывать теперь заслуги, историю и роль К. Н. Леонтьева, оставившего свои многочисленные литературные труды, которые, впрочем, по причине исключительной самобытности мыслей покойного, не доступны покуда любознательности публики, и поэтому не очень пользуются популярностью, еще только ожидая себе этого и справедливой оценки. Всякая речь требует предисловия, – оно «первая и вместе последняя вещь», как сказал Лермонтов, – потому что служит объяснением предмета, или оправданием мысли о нем... Если это так, то в данном случае предисловие более необходимо, по-видимому, чем где-либо, – важное вообще, оно тем более важно по отношению к К. Н. Леонтьеву, – ибо кто это К. Н. Леонтьев? – Писатель: он оставил множество литературных трудов и мыслей, мало известных нашей публике – по той, главнейшей причине, что, отдаваясь беззаветно и всею своею мыслью положительным интересам дорогой ему самобытной *России*, он больше заботился о том, чтобы вникнуть в предмет своего дела, чем о составлении партии услужливых единомышленников в среде современных ему литературных деятелей... Мы спрашиваем у этих, современных К. Н. Леонтьеву, литературных деятелей: что делал К. Н. Леонтьев? – и весьма даже ожидаем ответа от них в одном слове, – достойного их способностей: «Свирепствовал»... В свое время кто-то сообщал даже, что при чтении какой-то статьи К. Н. Леонтьева «чувствовал запах дыма от костров, пылающих за спиной автора», – что-то подобное. Вот какой удивительный предмет предлежит нам, и как же в таком случае без предисловия!

Покойный писатель К. Н. Леонтьев «свирепствовал» и «бранился», а многие этим очень и не шутя *обижались*, и... в «благородном» негодовании задирали нос кверху, проходя мимо с чувством «собственного достоинства» и с гробовым молчанием; а менее воспитанные, но более развязные – с наглым смехом, тшась выразить им чувство «благородного» негодования и «справедливой» ненависти, – или с подлым хихиканьем... Удивительно ли? – Ведь *писатель* и «современный литературный деятель» – разве это одно и то же! Литературные *деятели*... Ведь в наше время они самые и есть *публика*, та самая публика, похожая, по замечанию Лермонтова, на провинциала, который подслушивает разговор двух дипломатов, принадлежащих к разным дворам, и, подслушав, остается уверенным, что каждый из них действует по взаимной непримиримой личной вражде или нежнейшей дружбе. Неисследимо, что причиной тому – простодушие или скудоумие; но не часто и *нашею публикой* понимается басня, если в конце ее нет нравоучения: не угадывается истинный смысл и истинные предметы. Прочитавши басню о приятельницах мухах, из которых одна «пахала», «способный» невежда бойко рапортует, чуть-чуть только подумавши, на вопрос: что *смешно в этой басне* – «смешно то, что мухи разговаривают как люди»...

Ответ – достойный творца и соответствующий вопросу; разве не то же скудоумие у нашей публики и нашей критики, усматривающих в горячей убежденной речи против заблуждения или предвзятой доктрины – только брань!.. Она просто дурно воспитана, – говорил Лермонтов про публику. Но нам-то, «просвещенным» людям, с «идеями», пора бы нам знать, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная *брань* не может иметь места, и что *писатель* имеет дело не с лицами, а с *течениями*. Или же в самом деле мы так сотворены, что все в нас «обновляется» и меняется, кроме нелепостей?..

Публика Лермонтова была «юна и простодушна», а в наше время она, кажется, и не юна, и уж едва ли простодушна; она – «зрела», а может быть и

стара, – может быть, в том и разгадка вся, потому что говорится же: «старый – что малый»...

Но довольно о *публике*, то есть о наших *публичных деятелях*... (Удивительное чувство производит это недавно явившееся откуда-то слово *публичный* деятель; и Вл. Соловьев в своем московском реферате говорил о *публичных* деятелях... Слово тонкое)... Наша *публичная* публика действительно стала стара, и свои бесполезные дни, Бог даст, скоро покончит. О К. Н. Леонтьеве речь будет не для нее, а поэтому речь будет и без предисловия.

Я хочу передать здесь лишь то известное мне из недолгого личного знакомства с покойным, что может осветить знающим его произведения некоторые черты отчасти деятельности его и преимущественно нравственного облика его особенной сложной натуры; и несколько попытаемся при этом разобраться в существенных пунктах его мировоззрения, слагавших особенность направления его публицистических произведений.

Существеннейший из этих пунктов был, несомненно, «страх Божий», которым проникнута и, так сказать, пропитана его публицистика. Настоящие две главы и имеется в виду сгруппировать преимущественно около этого пункта – *страха Божия*.

I.

В последнее время перед своей кончиной (до сентября 1891 года) Константин Николаевич Леонтьев жил близ Оптиной пустыни (монастырь в Калужской губернии, близ города Козельска).

Ему нравился и самый вид Оптиной пустыни – привлекательный и действующий на воображение; на опушке огромного бора, над извивающейся по лугам и тонущей в густой зелени рекою Жиздрой, в виду небольшого городка Козельска, кстати напоминающего монастырю и о «мирской» жизни... с синевою векового бора сзади, теряющейся вдаль, с исполинскими

соснами и елями, перемешанными с чернолесьем, вблизи, с обширными лугами, рекою – спереди и рощицами вдаль... Все это открывалось в окна двухэтажного дома, принадлежащего монастырю, – который нанимал Константин Николаевич Леонтьев. – «Это прекрасно – говорил он: еще есть в России места, где можно позабыть телеграфы, локомотивы и чахлость и худосочие прозы современного эгалитаризма... Телеграф нужен и мне; но это не значит, что я должен любить обструганные бревна и какие-то нитки на бревнах, – ничего нет хорошего. Скоро доехать приятно и мне; но это не обязывает меня любить и свист, и грохот, звонки, суматоху, или – еще лучше – эти ящики, в котором запирают вас и заставляют глядеть в окошечко»...

«Тут монах, – говорил он. – Может быть плохой монах, да «монах»... верует в Бога, не говорит, что его родила обезьяна и что у него пар вместо души... Ну, что хорошего иметь дело с какой-то дрессированной обезьяной?.. Монах и в Бога верует, боится Его, и за Царя молится, чтит Самодержца, понимает, что без Русского Самодержца и ему бы, может быть, молиться не дали; – с страстями он борется, а не служит греху, – и грешит, разумеется... да кается; лучше согрешить, да раскаяться, чем жить самодовольно – праведно, да в Царя бомбы кидать... С ним, может быть, уж кстати, и нашим грехам Бог терпит, за многие монашеские труды его – не любви, может быть, куда уж, – труды веры, веры... Любовь-то не валяется по дороге...

Мужика тут вижу – благоговейного перед святым местом... русского купца, отбивающего поклоны и подающего Христа-ради милостыню... Архимандрит пройдет по церкви в митре и длинной мантии, архиерей приедет...

Не вижу хама, европейского космополита пиджачника! – И слава Богу!..»

С словом «хам» и «пиджачник» необходимо связывалось у К<онстантина> Н<иколаевича> представление о внутреннем ничтожестве человека, о пошлости «среднего» европейского типа, которого глубоко презирала широко-эстетическая натура покойного...

«И слава Богу, за милость к великому грешнику... за избавление моих чувств от смрада и треска разложения и разрушения, от европейской мерзости и гнили, гуманитарной всепошлости, делающей всех людей схожими.

Монах – да! Священник – да! Мужик, купец – да!.. Не тот всепожирающий “средний человек”, которые так нравятся Прудону и которых я ненавижу; не тот европеец дурного тона и нестерпимых претензий, которых не умею иначе назвать как *современный хам*... Люблю богатого мужика – русского купца... Еще – дворянина старого времени, барин. Это Россию составляет, *эта* Россия – здесь: монах, священник, мужик, купец, испытанный воин, поседевший барин... Все это есть здесь, все это я вижу»...

Но главное, что тянуло К<онстантина> Н<иколаеви>ча в Оптину, – его теплое отношение к монашеству, к чему он пришел не одним только путем мысли и эстетических своих вкусов...

К вере в Бога и религиозности он больше пришел через мысль.

Воспитанный под влияниями 40<-х> годов, выросший и окрепший смолоду на естественных науках и переживший все влияния, наложившие свою печать на 60–70–80 годы, он скоро, однако, почувствовал, что ему душно и тесно в рамках естественно-научной мысли. Он стал читать метафизические сочинения и обрадовался, что через это расширил свой горизонт. Охоты к богословию он не чувствовал. Но широкие потребности эстетического чувства заставили его полюбить *русскую веру*. Помогли ему в этом и религиозные воспоминания детства, неразрывно связанные с памятью о своей матери, образ которой он живо хранил в своем сердце. В бытность консулом в Македонии, его посетили жестокие утраты и скорби... Ему понадобилось найти опору, отраду и руководство – и он нашел это в христианском Боге – «в догматическом Боге Православно-христианской Церкви» – «позвольте мне так выражаться», – добавлял К<онстантин> Н<иколаеви>ч.

Описывая в «Записках Отшельника» («Гражданин», 1890. Добрые вести) своего «друга», очень страстного, влюбчивого, чувственного, невоздержанного, честолюбивого, сердитого, умственно-гордого, он, без сомнения, обличал себя...

Застигнутый изнурительными физическими недугами в Македонии, он окончательно повернул не только мысль, но и чувства свои – к Богу, и ездил на Афон.

Пылкое воображение К<онстантина> Н<иколаевича> не могло не очароваться тем, что он нашел в афонских монастырях; примеры жизни афонских подвижников и беседы старцев, в особенности старца Пантелеймоновой обители, о. Иеронима, подействовали очень сильно на его волю, после того, как он перешел уже черту поклонения человеческому разуму, разочаровавшись в его силе и непогрешимости.

«К вере могут привести и любовь, и отвращение, и радость, и горе, и сильные потрясения...» – говорил он. Сильные потрясения окончательно придвинули к вере в Бога и К<онстантина> Н<иколаевича> Леонтьева. Когда он указывал («Добрые вести») на примеры обращения к Богу – натуралиста Северцова, который стал первый раз молиться тогда, когда попал в плен к жестоким коканцам и был ими заперт в каком-то ужасном месте, и с тех пор, освобожденный, уже Бога не забывал, – и на религиозность Пирогова, явившуюся в трудные минуты жизни, находившего потом уже *противным человеческому достоинству* забывать о Боге в довольстве и радости... то нет сомнения, что он думал тут и о себе. Он имел неодолимое влечение к литературе и любил ее всем сердцем, в лучшем ее смысле; но оставаясь верным своей литературе в ее *лучшем смысле*, он был чужой в семье современных писателей, и его не признал *современный суд*, о котором говорил Гоголь: «и все обратит в упрек и поношение непризнанному писателю: без разделения, без ответа, без участия, как бессемейный путник, останется он один посреди дороги. Сурово его поприще и горько почувствует он свое одиночество». – К<онстантин> Н<иколаевич> был *один* посреди

дороги, он был всем чужой, ему отводился лицемерно-бесчувственным судом презренный угол в ряду писателей, оскорбляющих правду и человечество, судом, отнимающим от осужденного – сердце, душу, Божественное пламя таланта.

Счастлив путник, «который, после длинной, скучной дороги, с ее холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными зрителями, бряканьями колокольчиков, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами, видит, наконец, знакомую крышу с несущимися навстречу огоньками, и предстанут пред ним знакомые комнаты, радостный крик выбежавших навстречу людей, шум и беготня детей, и успокоительные тихие речи, прерываемые горячими лобзаниями, властными истребить все печальное из памяти! Счастлив семьянин, у которого есть такой угол». – Леонтьева не встречал после томительной литературной дороги такой угол, у него не было такого угла, у него не было «семьи»... И – «горе холостяку!» (Мертв<ые> души ч. I). – Это хуже, чем попасть в плен к жестоким коканцам.

«Если разум дал человеку, так сказать, рациональное разрешение верить, сказать, например, хоть это: “нельзя научными приемами опровергнуть возможности бытия Божия”, – как человек – самолюбивый не стыдясь перед наукой и современностью, уже чувствует, что сердце его хочет веры, что оно жаждет единения души с Божеством, и ему уже не трудно сделать еще один шаг, допустить еще одно движение:

– Боже, я жажду верить! Помоги моему неверию!

И вот уже молитва»...

Так говорил К<онстантин> Н<иколаеви>ч.

Он прожил это до Афона.

Руссик (Пантелеймонова обитель) на Афоне привел его уже к последующему шагу, к познанию греховности, к христианскому сознанию преступности своей перед Богом, и через это к приобретению *страха Божия*...

О страхе Божиим

Значение «страха Божия» для жительствова христианского отвергают даже многие из истинно-религиозных, по-видимому, людей нашего времени. – Отчего это? – Нечего говорить, что пропагандой К<онстантина> Н<иколаевича> Леонтьева по этому предмету всегда были недовольные.

Разумеется, – скажем это и мы, – что Христос принес на землю проповедь не «страха» (Он проповедан был очень давно – пророками), а – *любви*, не «суд», а *примирение* с Богом. Но что же из этого? Означает ли это, что проповедью *своею*, Христос *отвергает* проповедь пророков? – Разумеется, что нет, об этом и говорить нечего. – «*Любовь изгоняет страх...*» Так и мы принимаем; но что же это значит? – Только то, что *христианская любовь, даруемая Богом, по прощению во имя Христа, – вытесняет из души страх*. Но Леонтьев справедливо говорил, что *эта любовь не валяется по дороге, и не в сумасшедших головах графов Толстых живет; она даруется Богом, следовательно, за что-нибудь или почему-нибудь, следовательно, нужно быть достойным этого, способным к восприятию...* Один разбойник на Голгофе воспринял ее, а другой нет...

Нужно помнить свойства жизни нашего времени и свойства современного человечества, нужно взглядеться и вдуматься в это, надо вникать в процесс души современного человека, *возвращающегося* к Христовой жизни – путем *мысли*, а не прямо сердца. Разве прямо сердцем вернулся Достоевский к Христовой истине? и еще, *насколько* он пришел к ней, это вопрос, который, разумеется, не нам разрешать. Какова же его «любовь»? Изгнала ли она страх из души? «*Люблю ближнего; но отчего так бывает, что люблю, покуда его не вижу, – лицо ближнего мешает его любить*» – вот какая любовь была, поэтому и умер Достоевский *только кающимся...* И потому мы считаем его христианином.

Современные люди через *мысль* приближаются к Богу. Гордый разум человеческий (покуда он выходит «из себя», – он гордый), приближающийся к Богу, не может миновать «страха Божия», а не имеющий его в себе «свидетельствует этим самым, что не имеет Бога в себе» (по Апостолу). Отличаясь от страха рабски-человеческого перед господином *везде* карающим – по произволу и прихоти, – «страх Божий» есть прежде всего сознание *человеческого ничтожества перед Божественным Разумом*, – но вместе с этим – и *страх наказания*...

Почему боятся или не хотят признать, что это последнее, – страх наказания, – истинно-христианское чувство? Почему это «иудейство» (!), а не христианство? – Страх наказания это даже неприменимый момент «страха Божия» и необходимая черта жителства христианина, сознавшего «свое ничтожество перед Божественным разумом». – Воспользуемся примером.

Ребенок послушен старшим, чувствуя превосходство их разума перед своим; если *сами* старшие не нарушают такого отношения к ним со стороны ребенка, то он непременно послушен и безгранично доверчив... Но, *внимая увещанию* взрослых, что не следует, например, брать огня в руки, потому что он жжется, неужели ребенок не чувствует и *своей* мысли, что проступок будет *наказан*? – Он эту мысль чувствует инстинктивно, безотчетно, может быть; а если опытом в этом убедился, то есть взял огонь в руки и обжегся, то уже не «мысль», а «страх» наказания всегда будет сопутствовать сознанию превосходства старших и войдет неприменимым элементом в послушание.

Это так ясно.

Слово Христа есть *истина*, и мы принимаем его как единую, непреложную, вечную истину; и осуществление слова Христа есть единая *правда*: жить по слову Евангелия – *праведно* жить!.. Так мы понимаем. По природе и жизни безгрешные, мы принимали *бы* истину по *духовному ведению* и естественной любви к истине. *Омытые* от греха и живущие *во Христе* принимают истину (вернее – *держат* ее) по «ведению», зная более или менее точно, *к чему* призывает и *куда* ведет всякое слово Христова

увещания... Но *мы* ли без греха? – Мы принимаем Христову истину, но не по «ведению», а *по вере*; принимаем как *познанную*, но не познанную, и принимаем ее *по благодати*, дарованной через Иисуса Христа, без которой и верить человек не может: «ведение» же достигается путем *духовного усовершенствования* человека...

Далее: мы можем принять истину, но укрепить ее в сердце – уже зависит от *помощи* Божией... Кто может смело сказать, что достоин ее? – Нужно молиться. – О чем? – О *помощи* свыше молиться нужно, потому что кто может *ручаться*, что, сказавши «сделаю», сделает, – сказавши «пойду», в самом деле пойдут? – Но неужели возможно молиться о помощи свыше – *без сознания, что, и принявши истину ко спасению, можно пасть, подвергаясь наказанию или погибнуть*, – то есть обжечься, или даже сгореть... Нет никакого сомнения, что «страх наказания» есть неременный элемент настроения христианина на земле, в мире, который во зле лежит, в *неправде*, – и что «страх Божий» есть сознание ничтожества человеческого перед Божественным Разумом, но вместе и естественный *страх наказания*.

Это тоже так ясно.

В данном случае, под словом «наказание» и разумеется *прямое следствие преслушания*, отступления от истины, свидетельствуемой заповедями, – как обжог на руке ребенка, не внявшего увещания не трогать огня, суть прямое следствие преслушания увещания взрослых, которые знают истину (правду) про огонь и увещаниями свидетельствуют о ней.

В оригинальной речи К. Леонтьева Бог называется иногда Богом «отмщения» – там, где дело идет о страхе Божиим. Но в чем существенное различие и неправильность, если христианину, соответственно *складу его ума*, еще только приближающемуся к истинно-христианскому жительству (мы все стараемся еще только *приблизиться* к этому), – если ему представляется «наказание» как *отмщение*... В чем же разница, если мы скажем Бог «справедливости».

Христианин чувствует и знает по писанию, что «дела его пойдут вслед его»; не все ли равно, как это назвать; важно, что злые дела человека, искупленного кровью Христа, вступившего в стадо Его, но *преступившего* завет своего Пастыря, *останутся с ним*; – его ждет наказание; он воскреснет, но воскреснет *на суд*. – В какой бы *форме* не представлял человек наказание, но он должен знать, что оно будет; – важно то, чтобы он помнил про это, – не забывая, однако, и милосердие Божие, столь же необъятное, сколь необъятен Разум Божий, – сознавая свое ничтожество даже в том, чтобы понять, сколь велико он грешен, сколь велика ответственность. Не то важно, на «крючья» грешника будут вешать или жарить на «сковородке», или в «котле» варить... хотя «крючья» и «сковородка» и «котлы» имеют большой смысл сами по себе... Свидригайлова в романе у Достоевского приводила в ужас другая мысль: если придется ему поместиться после смерти в такой темной и мрачной сырой комнате, которая наполнена пауками... Неизвестно, у кого *страх последствий* неправильно проведенной человеческой жизни больше – у мужика православного или у Свидригайлова. Но известно, что «страх» у первого растворяется верою в милосердие Божие, что его страх имеет памятование о Боге (он выходит из этого памятования), и имея в себе надежду на милосердие Божие, не допускает лишь слишком дерзкой надежды на всепрощение, не допускает *безумия*, которое могло бы полагаться на то, что может быть *причина без последствий*... А у Свидригайлова был не Божий страх, а *смертный страх человеческий*, который и привел его к отчаянию и самоубийству...

Разумеется, что Христос пришел на землю с проповедью *любви*, Сам будучи – любовь, и призывая к ней, обращался к *сердцу* людей.

Надо, однако, помнить, к *кому* пришел Господь, в каком состоянии было современное пришествию Господа человечество.

Оно достигло всего, чего могло достигнуть *всеми своими* силами; дальше некуда было идти. Умственные приобретения были громадны. Но *жизненные идеалы* человечества не соответствовали их умственной высоте,

вопрос об *истине для жизни* преследовал умы, как призрак... Вслушайтесь в интонацию вопроса Пилата «что есть истина»?... Этот вопрос, наболевший вопрос, измучивший душу... *Истина жизни не могла быть достигнута разумом человеческим* – вот что слышно и в вопросе Пилата, обращенном к Христу; – и жизненная деятельность древних, возбуждавшаяся умственными и эстетическими интересами, теперь, по достижении этих интересов, должна была стать. И она остановилась. Одряхлевшее человечество гибло в муках отчаяния, не имея сил разрешить для жизни даже такое понятие, как «о добре и зле»... *Изверившееся в разум человеческий, изверившееся во все, во что верило и пробовало верить, оно не находило цели жизни и оправдания ее, несмотря на громадный рост своего ума, утопающего теперь в отчаянии и в грубых суевериях...*

Естественно, что оживить человечество могло только особенное выражение участия *Божественного*. Естественно, что оживляюще воздействовать, *не выходя из законов собственной природы*, можно было только через *сердца* людей, – но *не через разум, отказавшийся от своих прав*.

И вот: – *Голгофа* и – *Евангелие царства Божия*, которое проповедуется не разуму людей, а *сердцу*, – не рационалистически, с целью *устройства человеческих обществ на земле*, – а нравственно-мистически и духовно обновляя людей, приводя к новому рождению «свыше» для вступления в *царство «не от мира сего», в царство света, в царство небесное, вечное*, для которого христиане, быв «погребены с Ним (Христом) в крещении» и в Нем совоскресшие «верою в силу Бога, который воскресил Его из мертвых», *должны и еще умереть второю смертью*, которая есть «прехождение от смерти в жизнь», и *еще воскреснуть вторым воскресением...* Не Евангелие только перед нами, но и *Голгофа*, – все идет от начала своего, *Голгофы, потрясающей сердце* отъявленнейшего преступника, *последнего* из людей, распятого с Христом разбойника...

Не таково состояние современного человечества в сравнении с состоянием древних, и не то представлял собою К. Н. Леонтьев, пропагандировавший «страх Божий» для таких, *как он...*

Люди нашего времени добрее сердцем, мягче и жалостливее: боятся жестокостей, страшатся их совершать, страшатся причинить физическое страдание не только человеку, но и животным: пытать, казнить, сечь, бить – всего этого стыдятся делать... Разумеется, что это приобретается не воспитанием, которое, как таковое, отвергнуто людьми современного прогресса; разумеется, что может быть сделано, и даже с легкой душой может быть сделано, утонченнейшим образом, необыкновеннейшее, неслыханно зверское зло... Но дело не в этом... В жизнь человечества вошли высокие *принципы*, проникли *в сознание* всех людей понятия, которых у древнего человечества быть не могло: эти понятия и принципы дало христианство.

Новые, проповеданные Христом и Его апостолами, начала жизни осветили ум человеческий, широко раздвинули и горизонт умственной деятельности, открывши новое поле и бесконечные пути человеческой любознательности... Современный разум человеческий не отказывается от своих прав, как это было у древних, а предъявляет требования. У нас все говорят о «любви» – даже люди, не признающие бытия Божия, – тогда как древним мог сказать про нее только Христос, и, таким образом, состояние современного человечества нисколько не похоже на состояние древних, а скорее прямо ему противоположно.

Жизненные идеалы у древних являлись *извне*, выходили из политических целей, умственно-эстетических вкусов, из философских построений человеческого ума – из всего того, что *формируется в человеке через познание вне окружающего человека*.

То же пережило и новое человечество, – чем доказывается, что оно стало на *ту же почву отношения к жизни*, – и еще так недавно выводило свои идеалы из материалистических воззрений на мир и жизнь, полагавших

всю важность во внешних влияниях окружающей материи, в законах которой полагалась причина всего происходящего, потом из потребностей удовлетворения чувственной похоти и внешнего устройства правильного общежития, что привело к пессимизму и философии отчаяния Шопенгауэра и Гартмана; движение к *построению* жизненных идеалов отразилось и в русском обществе, но иначе, не создало русской философии, а выразилось возбуждением социальных стремлений: к уравниванию сословий и состояний, умственного образования, к преграждению насилий и произвола путем обличительного печатного слова и судебных приспособлений... Но уставши в погоне за *призраками*, разочарованные теперь люди все больше и больше обращаются к *личности*, пытаются вывести жизненный идеал из *внутреннего мира человека*. Естественным путем *мысли* люди подходят к предмету Христовой проповеди...

Повторяем: *естественным путем мысли* подходят...

Нравы современных людей стали много мягче, по-видимому, чем это было у древних; но *современная* гуманитарность и мягкость едва ли свидетельствует о высшем благородстве сердца, потому что выходит не из сердца, а *из понимания*, не сердце руководит действием, а действие (ума) руководит сердцем. Отношения в мире упростились и ободнообразились, поэтому *легче стало понимание* их и достижение мелких жизненных выгод; легче понимают социальные, например, выгоды: это не значит справедливее, это значит только, что в понимании люди *успокаиваются легче*; содействует этому самомнение людей, гордость... Будем говорить о христианском обществе, которое во дни оны слышало, что «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены, – поэтому непочтительный и противящийся власти, непочтителен к Божию установлению и противится Богу». Христиане принимали это как слово *правды*, отражающей в себе истину жизни небесной... – Время «слепой веры» прошло, говорят теперь, и думают, что *понимают сами*, разумом *своим*, как должно быть и что правильнее... Любовь современная не свидетельствует об избытке сердца, а

лишь о присутствии *начал Христовой благодати*, принесенной Христом духовной силы, которые, как и всякие «начала», могут развиваться правильно и могут быть искажены...

Любовь проповедал Сын Божий, сшедший с небес; но у нас ее проповедуют люди, в Бога не веруя, в Того Бога, который дал любовь. – Поэтому:

Не одно и то же: современная любовь, исходящая из *разумения жизненных выгод* здесь, на земле, – являющаяся от разума *человеческого*, хотя воспринявшего начала истины, но в форме отдаленного, смутного эхо ее, – и любовь христианская, исходящая от Бога и воспринимаемая *через веру в Христа*, Безначального и Бесконечного Сына Божия...

Рассудительный человек должен знать, что и Божественные истины, сведенные в понятия гордого в себе разума *человеческого*, служили злу, через самомнение людей, в безумии *отделяющихся от Бога*...

Но что может удержать от этого уклонения, всегда начинающегося незаметно и легко? – Только – *страх Божий*, не только сознание величия Божественного Разума но и *страх наказания*.

Евангелие содержит в себе учение любви; но помнить надо, что оно есть учение о «*жизни*», которой мы не имеем в себе, к которой стремимся, думаем о средствах, которые бы привели нас к состоянию, достойному, способному воспринять евангельскую жизнь; – у нас речь идет о *жизнелюбии для жизни*...

Еще надо помнить, что Христос – Сын Божий – Он не только в Евангелии, но Он же и в Апокалипсисе, где говорит *Он же, о наказаниях*. Апокалипсис писал *Иоанн – тот, кто говорил и писал только о любви*... Он написал *Апокалипсис*, – это мы к слову отмечаем...

О каком страхе Божиим говорил К. Леонтьев, и для кого?

О том страхе Божиим, который доступен всякому: и сильному, и слабому, о страхе греха, о страхе наказания за грех и здесь, и за могилой, о страхе последствий греха, естественных и неизбежных, – о страхе, которого

стыдиться просто смешно. – Кто допускает Бога, говорил он, тот должен Его бояться. – В самом деле: и любовь предполагает в себе страх, и к человеку любовь – не полная любовь, если она без страха: лишиться внимания и добрых отношений; только *совершенная* любовь изгоняет страх; при том – силы Бога и человека и разум – слишком несоизмеримы. Тому легче смириться, кто боится Бога, – не как вол под ярмом, или раб перед жестоким господином, а как разумный, *свободно* постигающий свое ничтожество перед Богом и Его Жертвою для людей... К. Леонтьев говорил о «страхе», который укрепляет в вере, прилепляет к Богу, что делает человека смелее и мужественнее против всех земных несчастий, который удерживает от «самовольной любви к человечеству, чисто-утилитарной, ничем несдерживаемой и не направляемой, которая суть односторонность и ложь»...

Он говорил это для тех, или вернее – против тех, кто проповедует любовь «не зная и не желая знать Бога», или *отделяя ее от Бога*, любовь не христианскую, исшедшую и исходящую от Бога, а любовь, исходящую из разума человеческого, не имеющую ничего уже общего со Христом, несмотря на всю свою видимую привлекательность, на искренность порывов, несмотря даже не всю практическую пользу, истекающую для земных страдальцев во имя земных благ от действий такой любви, которая, будучи горяча и, может быть, искренняя, но, не имея в себе страха Божия и смирения, в высшей степени *своевольна*, либо тихо и скрыто горда, либо шумно тщеславна...

К. Н. Леонтьев протестовал поклонению подобной «любви», исшедшей не из учения Христа и Церкви, а пришедшей к нам с Запада, – самовольному плоду *антрополатрии*, новой веры в земного человека и человечество, в самостоятельное, самозаконное достоинство «лица», и в высокое практическое назначение человечества *здесь, на земле*. Протестовал он поклонению «любви», которая есть лишь одно из проявлений того *индивидуализма*, того обожания прав и достоинства человека, которое

воцарилось в Западной Европе с конца XVIII века и, уничтожив в людях *веру в высшее, от них независящее*, привело на край революционной пропасти все те западные общества, в которых эта антрополатрия пересилила любовь к Богу и веру в святость Церкви, в священные права государства и семьи.* <* См. «Восток, Россия и Славянство», II т., 296.>

Из протеста *этого* рода любви, повсюду проповедуемой людям самозваными апостолами, исходила пропаганда «о страхе Божиим», – из протеста сведению *Божественного* учения в грешные понятия гордого ума человеческого, низводящего высокую небесную истину в рационалистические положения, по вере в мнимое земное благополучие; из протеста низведению Евангельского учения *для небесной жизни* (на небе, в мире ином) – в формы *чистой морали для мнимого земного блага*...

И говорил К. Леонтьев: «святость я понимаю так, как понимает ее Церковь. Она не признает святым ни крайне доброго и милосердного, ни самого честного, воздержного и самоотверженного человека, если эти качества его не связаны с учением Христа, Апостолов и св. Отцев... Основы *вероучения*, твердость этих основ в душе нашей важнее для Церкви, чем все прикладные к земной жизни наши добродетели» – как корень важнее плодов, без которого и не может быть плодов, – которые без веры, плоды нравственные без корней вероучения, это – или плоды гордости душевной, результаты благородно настроенного самомнения и тщеславия, или врожденные свойства доброй природы и результаты хорошего первоначального воспитания, которые принадлежат не нам, потому что не нами дана нам натура, не мы сами себя с детства воспитываем, – а главное не приведут они *сами по себе* к вратам жизни Христовой, если нет самопобуждения, натуги воли *по вере в Бога*...

И *излишняя простота удобопревертна*, простота *современной* всечеловеческой любви, исходящей из «разумения» человеческого... – то есть не надежна, легко изменяет направление... Излишняя простота основы, крайняя односторонность приема, неестественная односложность идеала – не

тверды, удобопревертны в том смысле, что приводят совсем к другому концу, нежелательному...

Простая, односторонне-своевольная, гордо-болезненная любовь к «человечеству», шаг за шагом, превращение за превращением доводит до забвения всех других сторон христианского учения того, что дополняет и отличает *христианскую* любовь, – даже до ненависти к этому, к «сухим и как бы унижительным, *скудным* сторонам», до ненависти к покорности в земной жизни, к смирению, к страху греха, к воздержанию... А на этой степени превращения, до кровавого нигилизма, до зверств всеразрушения остается уже мало поприща. Кто смелее, кто злее, кто бессовестнее, даже кто глупее, тот готов...* <<Вост<ок> Росс<ия> и Слав<янство>>, II т., 268, 270.>

Вот путь «любви», не нуждающейся ни в страхе Божиим, ни в смирении. Такая любовь хотя, может быть, и ведет свое начало от привычек христианской мысли, носящейся еще в воздухе, но приводит на своем пути к самым анти-христианским результатам, к разрушению всего домостроительства Церкви, и потому тот, кто пишет о любви будто бы христианской, не принимая всех основ христианского вероучения, суть не христианский писатель, а противник христианству, обманчивый и опасный, ибо он сохранил от христианства только то, что может принадлежать и демократическому лже-прогрессу, в действительном духе которого нет и подобия христианства, а только отрицательная его тень, и все сплошь враждебно ему в том движении, которое так быстро ведет западное человечество от Христа истинного к антихристу...

Это так ясно.

Христос не обещал нам в будущем *воцарения любви и правды на этой земле*, будучи Царем небесной любви и правды, завещая веру в Небесного Бога, любовь к Нему и *ближнему своему* (не к «человечеству»), свидетельствуя о будущем пришествии своем *на суде*.

Человечество же, питающее веру в земную любовь и правду, кого оно призовет на это *земное царство мнимой тишины и благоденствия?*..

Христианскому проповеднику посреди современного неверия едва ли можно рассчитывать на здоровое благородство сердца людей, хотя бы все заговорили *о любви*, – как нельзя было рассчитывать на умственное здоровье и силу древнего мира, хотя говорили тогда *о Божестве и высоких истинах*; люди волнуются тем, чего у них нет, часто тем, чем они обладать не могут...

Покойный К. Н. Леонтьев чувствовал эту параллель, и не увлекался течениями...

Гражданин. 1892. 4 марта. № 64. С. 4; 5 марта. № 65. С. 3–4; подпись в № 64: *Ф. Ч.*, в № 65: *Ч. Ф.*

Сведений об авторе этой статьи, Федоре Павловиче Чуфрине (1864 или 1865 – ?), выпускнике учительской семинарии (вероятно, Тульской), сельском учителе, обращенном из «нигилизма» в христианство Оптинским старцем Амвросием, чрезвычайно мало. Все известное на сегодняшний день изложено в посвященной ему главе монографии: *Фетисенко О. Л. «Гептастилисты», Константин Леонтьев, его собеседники и ученики.* СПб., 2012. С. 651–666.

С Леонтьевым Ф. П. Чуфрин познакомился в июне 1890 г. в Оптиной пустыни и стал одним из самых преданных его молодых друзей и глубоко воспринял идеи своего наставника. В сентябре – ноябре 1891 г. он чаще других навещал монаха Климента в Сергиевом Посаде и присутствовал при его кончине. Ему принадлежит корреспонденция «Последние дни К. Н. Леонтьева в Троице-Сергиеве Посаде» (Гражданин. 1891. 20 нояб. № 322. С. 4), подписанная тем же криптонимом «Ф. Ч.», что и публикуемая статья.

1891 года, 12 ноября, скончался от воспаления легких в Троице-Сергиевом посаде... – Летом 1891 г. старец Амвросий Оптинский благословил Леонтьева на переезд поближе к Москве, в Сергиев Посад. Поскольку тот не мог объявить о своем постриге, совершенном втайне, ему не удалось поселиться ни в Троицко-Сергиевой Лавре, ни в ее скитах. В сентябре Леонтьев поселился в Новой Лаврской гостинице, где и заболел 3 или 4 ноября. Подробнее о последних днях его жизни: *Фетисенко О. Л. «Гептастилисты».* С. 720–727.

Всякая речь требует предисловия, – оно «первая и вместе последняя вещь», как сказал Лермонтов, – потому что служит объяснением предмета, или оправданием мысли о нем... – Цитируется первая фраза романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: «Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики».

...интересам дорогой ему самобытной России... – Здесь важно подчеркнуть слово «самобытной», поскольку Леонтьев подчеркивал, что если Россия утратит последнюю самобытность, то «не стоит тогда и любить ее!» (финальная фраза его статьи 1887 г. «Сочувствие и содействие» из цикла «Записки отшельника»; Леонтьев. Т. 8, кн. 1. С. 255). Не все умеют «правильно» любить родину (т. е. не все понимают, что именно достойно этой любви) считал он (ср.: Там же. С. 416).

В свое время кто-то сообщал даже, что при чтении какой-то статьи К. Н. Леонтьева «чувствовал запах дыма от костров, пылающих за спиной автора»... – Вероятнее всего, имеется в виду отклик Н. С. Лескова на брошюру Леонтьева «Наши новые христиане» (1882) – статья «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» (Новая и Биржевая газета. 1883. 1 апр. № 1. С. 1–2; 3 апр. № 3. С. 1–2), в которой обличитель «новых христиан» был сравнен с Торквемадой.

...с наглым смехом, тщась выразить им чувство «благородного» негодования и «справедливой» ненависти, – или с подлым хихиканьем... – См., например, отклики петербургской и московской либеральной прессы на брошюру Леонтьева «Как надо понимать сближение с народом?» (М., 1881): Леонтьев. Т. 7, кн. 2. С. 863–864.

...та самая публика, похожая, по замечанию Лермонтова, на провинциала, который подслушивает разговор двух дипломатов ~ нежнейшей дружбе. – Измененная цитата из предисловия к «Герою нашего времени».

...басню о приятельницах мух, из которых одна «пахала»... – Имеется в виду басня И. И. Дмитриева «Муха» (1803).

Она просто дурно воспитана, – говорил Лермонтов про публику... – Цитата из предисловия к «Герою нашего времени».

Публика Лермонтова была «юна и простодушна»... – У Лермонтова: «Наша публика так еще молода и простодушна...»

...недавно явившееся откуда-то слово публичный деятель... – Действительно, такое словоупотребление вошло в обиход довольно поздно. Ср. с ироническим определением, данным А. И. Герценом М. Н. Каткову в 1865 г.: «публичный мужчина всяя России» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 18. С. 418).

...и Вл. Соловьев в своем московском реферате говорил о публичных деятелях... – Имеется в виду реферат «Об упадке средневекового мирозерцания», прочитанный Соловьевым 19 октября 1891 г. и вызвавший большую полемику на темы «личное спасение и альтруизм», «возможно ли “христианство без Христа”» и т. д.

В последнее время ~ жил близ Оптиной пустыни... – Леонтьев и до 1887 г., когда он снял двухэтажный дом близ монастырской ограды, с августа 1874 г. неоднократно и подолгу жил в Оптиной – в Иоанно-Предтеченском ее скиту.

...на опушке огромного бора ~ и о «мирской» жизни... – Измененная цитата из первой главы книги Леонтьева «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни» (1879). Ср.: Леонтьев. Т. 6, кн. 1. С. 256–257.

...позабыть телеграфы, локомотивы... – Леонтьев вынужден был пользоваться «благами прогресса», но постоянно обличал их и особенно их неумеренных поклонников.

...о пошлости «среднего» европейского типа... – Леонтьев не успел завершить книгу «Средний человек как идеал и орудие всемирного разрушения», над которой работал около 20 лет. Сохранившиеся фрагменты были опубликованы посмертно, но Чуфрин мог знать о рукописи и слышать авторское изложение этой работы. Кроме того, инвективы «среднему человеку» и «уравнительному прогрессу» встречаются и в произведениях, изданных при жизни Леонтьева, хорошо знакомых Чуфрину, например, в статье «Еще о “Дикарке” гг. Соловьева и Островского» (1880): «Граф Вронский или Онегин с одной стороны, а солдат Каратаев и кто?... ну, хоть бирюк Тургенева, для меня лучше того “среднего” мещанского типа, к которому прогресс теперь сводит мало-помалу всех и сверху, и снизу, и маркиза, и пастуха.

Честный и трудолюбивый, на всех похожий и ни во что, кроме правоты всечеловечества, не верующий *средний* человек, и при этом еще на все более его изящное фыркающий, – вот идеал нынешнего европейца всех племен» (Леонтьев. Т. 9; в печати).

Не тот всепожирающий “средний человек”, которые так нравятся Прудону... – Ср. в той же статье: «Руководясь в общественных вопросах одной только *гуманитарной справедливостью*, нельзя остановиться на полпути и можно придти очень легко к той «justice», о которой Прудон писал целые книги, доказывая, будто бы равенство совершенного общества должно быть таково, каково равенство диких, почти ничем друг от друга не отличающихся в *своей пустоте*, и что даже умственное неравенство есть несправедливость, ибо при нем то, что для одного *труд*, то для другого будет *привилегией*. Вот к чему ведет в государственном деле теория безусловной *справедливости*».

Он стал читать метафизические сочинения ~ полюбить русскую веру. – Чуфрин пересказывает здесь почти дословно автобиографический фрагмент статьи Леонтьева «Добрые вести» (1890). См.: Леонтьев. Т. 8, кн. 1. С. 433.

...религиозные воспоминания детства, неразрывно связанные с памятью о своей матери, образ которой он живо хранил в своем сердце. – Мать Леонтьева – Феодосия Петровна Леонтьева (урожд. Карабанова; 1794–1871), выпускница петербургского

Екатерининского института. Чуфрин напоминает здесь о страницах леонтьевского очерка «Рассказ моей матери об Императрице Марии Феодоровне» (1887). См.: *Леонтьев*. Т. 6, кн. 1. С. 556–557.

...его посетили жестокие утраты и скорби... – «Жестокие утраты и скорби» – цитата из статьи Леонтьева «Добрые вести» (см. след. примеч.): *Леонтьев*. Т. 8, кн. 1. С. 433.

Описывая в «Записках Отшельника» («Гражданин», 1890. Добрые вести) своего «друга» ~ обличал себя... – См.: *Леонтьев*. Т. 8, кн. 1. С. 433–435 (Чуфрин имеет в виду начало этого фрагмента). Статья «Добрые вести», посвященная участвовавшим случаям прихода образованных молодых людей на службу Церкви, была написана для цикла «Записки отшельника»; впервые: *Гражданин*. 1890. 22 марта. № 81. С. 1–2; 24 марта. № 83. С. 2; 28 марта. № 87. С. 2; 7 апр. № 95. С. 2.

...ездил на Афон. – Леонтьев приехал на Афон впервые 25 июля 1871 г., а потом прожил здесь с небольшими перерывами около года.

...старца Пантелеймоновой обители, о. Иеронима... – Иеросхимонах Иероним (в миру Иван Павлович Соломенцев; 1803–1885), духовник русского Свято-Пантелеймоновского монастыря.

...перешел уже черту поклонения человеческому разуму, разочаровавшись в его силе и непогрешимости. – Ср. в письме Леонтьева к Н. Н. Страхову от 16 июля 1875 г.: «Я же грешный, смирился, перестал верить вовсе в ум и рассудок наш (не в мой только, а в человеческий) и убежден теперь вот уже 4-й год, после некоторых событий, что “начало Премудрости есть страх Божий”... Именно страх и трепет <...> И не понявши ничего, видя, что здравым рассудком нельзя объяснить себе своих несчастий и неудач, – придется воскликнуть: “Есть нечто, ведущее жизнь нашу помимо всякой *видимой*, житейской правды и помимо всякого так называемого здравого смысла...”» (цит. по: *Леонтьев*. Т. 6, кн. 1. С. 358).

«К вере могут привести и любовь, и отвращение, и радость, и горе, и сильные потрясения...» – говорил он. – Цитата из статьи «Добрые вести» (*Леонтьев*. Т. 8, кн. 1. С. 431).

...указывал («Добрые вести») на примеры обращения к Богу – натуралиста Северцова ~ и на религиозность Пирогова ~ в довольстве и радости... – См.: Там же (цитаты из текста Леонтьева введены в текст Чуфрина почти без изменений). Эти же два примера – из жизни зоолога и путешественника Николая Алексеевича Северцова (1827–1885) и врача, ученого и общественного деятеля Николая Ивановича Пирогова (1810–1881) Леонтьев приводил еще раньше – в статье «Два графа: Алексей Вронский и Лев

Толстой» (Там же. С. 301). Он опирался на книгу Северцова «Месяц плена у коканцев» (СПб., 1860) и автобиографические записки Пирогова «Вопросы жизни» (1879–1880; опубликованы в 1884 г. в «Русской старине»). См. подробнее: *Леонтьев*. Т. 8, кн. 2. С. 1012–1013.

...«и все обратит в упрек и поношение непризнанному писателю: без разделения, без ответа, без участия, как бессемейный путник, останется он один посреди дороги. Сурово его поприще и горько почувствует он свое одиночество». – Цитата из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (том первый, глава VII).

...презренный угол в ряду писателей, оскорбляющих правду и человечество... – Подобные оценки звучали в откликах на брошюру «Наши новые христиане» (1882) и позднейшие произведения Леонтьева.

Счастлив путник, «который, после длинной, скучной дороги ~ Счастлив семьянин, у которого есть такой угол». ~ И – «горе холостяку!» – Цитируется начало главы VII «Мертвых душ».

«Если разум дал человеку, так сказать, рациональное разрешение верить ~ И вот уже молитва»... – Сокращенный пересказ (близкий к тексту) фрагмента из статьи Леонтьева «Добрые вести» (ср.: *Леонтьев*. Т. 8, кн. 1. С. 428–429); внутри его, как и у Леонтьева, евангельская аллюзия: Мк. 9: 24.

Руссик (Пантелеймонова обитель)... – древнее название Св.-Пантелеймоновского монастыря. Старый, или Нагорный Руссик, переданный русской монашеской общине на Афоне в XII в., был возобновлен в 1869 г.; в XVIII в. монастырь переместился ближе к морю и стал называться Новым Руссиком. Здесь был построен храм св. Пантелеимона, где хранится его глава.

«Любовь изгоняет страх...» – «...совершенная любовь изгоняет страх...» (1 Ин. 4: 18).

«Люблю ближнего; но отчего так бывает, что люблю, покуда его не вижу, – лицо ближнего мешает его любить»... – Контаминация реплик Ивана и Алеши Карамазовых из главы «Бунт» романа «Братья Карамазовы» (Книга пятая, IV):

«– Я тебе должен сделать одно признание, – начал Иван: – я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних. <...>

– Об этом не раз говорил старец Зосима, – заметил Алеша, – он тоже говорил, что лицо человека часто многим еще неопытным в любви людям мешает любить».

...поэтому и умер Достоевский только кающимся... – Аллюзия на известные слова преп. Амвросия Оптинского после разговора с Достоевским: «Это кающийся». Чуфрин

мог знать об этом отзыве по рассказу Леонтьева или письмоводителя старца Амвросия, о. Эраста (Вытропского), который позднее рассказывал о данном эпизоде в своей книге об Оптиной пустыни (1902).

...«свидетельствует этим самым, что не имеет Бога в себе» (по Апостолу). – Ср.: 1 Ин. 5: 10.

Слово Христа есть истина... – Аллюзия на Ин. 17: 17.

...сказавши «сделаю», сделает, – сказавши «пойду», в самом деле пойдет? – Аллюзия на притчу о двух сыновьях: Мф. 21: 28–30.

...в мире, который во зле лежит... – Ср.: 1 Ин. 5: 19.

В оригинальной речи К. Леонтьева Бог называется иногда Богом «отмщения»... – В статье «Страх Божий и любовь к человечеству» Леонтьев использует библейское выражение «Бог отмщений», но с явной проекцией на эпиграф к «Анне Карениной», поэтому не ясно, в чем здесь Чуфрин усмотрел оригинальность речи писателя.

...знает по писанию, что «дела его пойдут вслед его»... – Ср.: «...дела их идут вслед за ними» (Откр. 14: 13).

...воскреснет на суд. – Аллюзия на слова Христа: «...изыдут <...> сотворшие злая в воскрешение суда» (Ин. 5: 29).

Не то важно, на «крючья» грешника будут вешать или жарить на «сковородке», или в «котле» варить... – Аллюзия на роман «Братья Карамазовы» (часть первая, книга первая, IV; рассуждения Федора Павловича об аде).

Свидригайлова в романе ~ мрачной сырой комнате, которая наполнена пауками... – «Преступление и наказание», часть четвертая, I.

...вопроса Пилата «что есть истина»?... – Ин. 18: 38.

...Евангелие царства Божия... – Мф. 24: 12.

...к новому рождению «свыше» для вступления в царство «не от мира сего»... – Контаминация цитат: Ин. 3: 3; 18: 36.

...быв «погребены с Ним (Христом) в крещении» и в Нем совоскресшие «верою в силу Бога, который воскресил Его из мертвых», должны и еще умереть второю смертью, которая есть «прехождение от смерти в жизнь», и еще воскреснуть вторым воскресением... – Контаминация цитат: Рим. 6: 4; Кол. 2: 12; Ин. 5: 24; Откр. 20: 11–12.

...к пессимизму и философии отчаяния Шопенгауэра и Гартмана... – В 1870-е гг. в России стали чрезвычайно популярны сочинения немецких философов А. Шопенгауэра и Эд. фон Гартмана; на Леонтьева они также оказали сильное влияние, что видно по частоте цитирования им обоих мыслителей, особенно Гартмана, в котором русский писатель

видел первую (отрицательную) ступень к «оптимистическому» христианскому пессимизму.

Нравы современных людей стали много мягче ~ едва ли свидетельствует о высшем благородстве сердца... – Ср.: Леонтьев. Т. 8, кн. 1. С. 419.

...во дни оны... – В те дни (церк.-слав.); формула, с которой начинается значительная часть церковных чтений из Евангелия.

...что «нет власти не от Бога ~ противится Богу». – Измененная цитата: Рим. 13: 1–2.

...об избытке сердца... – Ср.: «от избытка сердца уста глаголят» (Лк. 6: 45).

...как и всякие «начала», могут развиваться правильно и могут быть искажены... – Чуфрин мог быть знаком, хотя бы в устном авторском изложении, с одним из последних произведений Леонтьева («Кто правее?»), в одной из частей которого тот говорил о своей «слабости в метафизике» и высмеивал туманность и отвлеченность метафизического языка: «Самые же эти так называемые “начала” мне мало доступны в своей чистоте; я никак не найду этим началам конца ни спереди, ни сзади. – И мне даже все представляется, что никакое “начало” в жизни на практике ничего не может и создать, если у многих людей не будет соответствующего ему *чувства*...

Когда мне говорят – *начало любви*, я понимаю эти слова очень смутно до тех пор, пока я не вспоминаю о разных живых проявлениях *чувства* любви (сострадание, симпатия, привязанность, восхищение и т. д.). <...>

Конечно, какое-нибудь такое “начало” *существует*, так как... люди очень умные и ученые говорят об них» (Леонтьев. Т. 8, кн. 2. С. 120–121).

Любовь проповедал Сын Божий, сшедший с небес... – Ср.: Ин. 6: 38.

...учение о «жизни», которой мы не имеем в себе... – Аллюзия на Ин. 5: 26.

Христос ~ не только в Евангелии, но Он же и в Апокалипсисе... – Чуфрин следует здесь Леонтьеву, который говорил о «тенденциозности» «новых христиан», которые ограничиваются ссылками на Евангелие от Иоанна, забывая о других новозаветных книгах.

...доступен всякому ~ Кто допускает Бога, говорил он, тот должен Его бояться. – Измененные цитаты из статьи Леонтьева «Страх Божий и любовь к человечеству», входящей в цикл «Наши новые христиане».

...только совершенная любовь изгоняет страх... – 1 Ин. 4: 18.

...удерживает от «самовольной любви к человечеству, чисто-утилитарной, ничем несдерживаемой и не направляемой, которая суть односторонность и ложь»... – Измененная цитата из статьи «Страх Божий и любовь к человечеству».

...несмотря даже не всю практическую пользу ~ здесь, на земле. – Измененная цитата из той же статьи.

...поклонению «любви» ~ в священные права государства и семьи. – То же.

...«святость я понимаю ~ наши добродетели»... – Цитата из той же статьи.

...плоды гордости душевной ~ с детства воспитываем... – То же.

И излишняя простота удобопревертна ~ нежелательному... – То же.

Простая, односторонне-своевольная ~ «сухим и как бы унижительным, скучным сторонам»... – Цитаты из той же статьи.

А на этой степени превращения ~ кто глупее, тот готов... – Измененная цитата из той же статьи.

...тот, кто пишет о любви ~ сплошь враждебно ему... – Цитата из той же статьи.

Христос не обещал нам в будущем воцарения любви и правды на этой земле... – То же.